Джемисюк Владислав Максимович, Студент,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Dzhemisyuk Vladislav Maksimovich, Student,
Belgorod State National Research University

Доля Георгий Станиславович, Студент,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Dolya Georgy Stanislavovich, Student,
Belgorod State National Research University

Научный руководитель:
Шумилина Оксана Сергеевна, к.ю.н., доцент,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Shumilina Oksana Sergeyevna,
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law), Associate Professor,
Belgorod State National Research University

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РОССИИ
THE HISTORY OF LIABILITY FOR OFFICIAL CRIMES: LEGAL ASPECTS AND REGULATION IN RUSSIA

Аннотация. Рассматривается развитие ответственности за должностные преступления в российском праве от Соборного уложения 1649 г. до действующего УК РФ. На основе сравнения исторических актов анализируются пределы служебных полномочий, разграничение злоупотребления и превышения полномочий, а также ответственность за халатность. Особое внимание уделяется различию между уголовно наказуемым деянием и дисциплинарным нарушением.

Abstract. The article traces the development of liability for official crimes in Russian law from the Council Code of 1649 to the current Criminal Code. It compares historical approaches to the limits of official authority, abuse of office, excess of powers and negligence, with particular attention to the distinction between criminal and disciplinary liability.

Ключевые слова: Должностное преступление, служебные полномочия, взяточничество, халатность, уголовная ответственность, история права.

Keywords: Official misconduct, public authority, bribery, negligence, criminal liability, legal history.

Когда речь заходит о должностных преступлениях, обычно вспоминают взятки и злоупотребление властью. Между тем для уголовного права важнее другой вопрос: в какой момент нарушение служебных правил становится преступлением? Чиновник может принять неудачное решение, пропустить установленный срок или неправильно истолковать ведомственный акт, но само по себе это ещё не означает наличия состава преступления. Различие между служебной ошибкой и уголовно наказуемым деянием складывалось в России постепенно. Поэтому историю законодательства целесообразно рассматривать не только по датам принятия

кодексов, но и через изменение трёх взаимосвязанных элементов: круга ответственных лиц, содержания их обязанностей и характера вреда, за который наступало наказание.

В Соборном уложении 1649 г. не существовало общего определения должностного преступления. Однако глава X «О суде» содержала запреты, относящиеся к поведению судей и лиц, участвовавших в рассмотрении дел [2]. Законодатель уделял внимание неправосудию и незаконному вознаграждению: подобные поступки нарушали порядок отправления суда и подрывали доверие к решению, принятому от имени власти. Здесь обнаруживается важная историческая особенность. Охранялся прежде всего установленный государем порядок службы, а не абстрактное право гражданина на надлежащее управление. Поэтому было бы неточно без оговорок называть такие нормы прямыми аналогами статей 285 и 290 современного УК РФ. Сходство заключается в осуждении корыстного использования служебного положения, различие в устройстве власти и юридической конструкции ответственности.

По мере усложнения государственного аппарата стало недостаточно перечислять отдельные запрещённые действия судьи или приказного человека. В XIX в. служба предполагала более устойчивый круг обязанностей, а их нарушение требовало самостоятельной правовой оценки. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. включало нормы о преступлениях и проступках «по службе государственной и общественной» [3]. Само соединение в одном законодательном массиве преступлений и проступков показывает, насколько непростым был вопрос о степени опасности служебного нарушения. Для исторического анализа важно не только наличие наказания, но и то, что государство пыталось описать обязанность служащего заранее, через закон. Именно отсюда возникает проблема, знакомая современному правоприменителю: нельзя устанавливать вину в неисполнении обязанности, не выяснив сначала её источник и содержание.

Уголовное уложение 1903 г. продолжило систематизацию: глава XXXVII получила название «О преступных деяниях по службе государственной и общественной» [4]. Однако при сравнении с Уложением 1845 г. необходимо учитывать, что новый акт вводился в действие не целиком; положения о служебных преступлениях не стали повсеместно применяемой системой норм. Поэтому нельзя утверждать, будто именно с 1903 г. российские суды полностью перешли на новую модель ответственности чиновников. Более точный вывод состоит в другом: законодательная мысль двигалась к выделению служебных преступлений в самостоятельный блок, хотя практическая реализация этого замысла оказалась ограниченной. Различение принятого закона и реально действовавшего права особенно существенно в историко-юридических работах.

После 1917 г. изменились государственные институты и само понимание публичной службы. УК РСФСР 1922 г. выделил главу «Должностные (служебные) преступления» [5]. Этот шаг означал, что противоправное поведение служащего оценивалось с учётом особого положения лица в системе управления. Вместе с тем переносить советские определения в сегодняшнее право без дополнительных пояснений нельзя. Менялись организация органов власти, хозяйственные функции государства и круг лиц, выполнявших управленческие обязанности. На этом фоне важно различать внешне похожие формулы закона и их реальное содержание. Одна и та же характеристика – использование служебного положения – могла охватывать неодинаковые отношения в разные исторические периоды. В статье 105 УК РСФСР 1922 года законодатель связывал злоупотребление с действиями, которые должностное лицо «могло совершить единственно благодаря своему служебному положению» [5]. Существенно и указание на действия, «не вызываясь соображениями служебной необходимости» [5]: в этой формуле уже прослеживается попытка отделить правомерное служебное усмотрение от использования должности вопреки её назначению.

В УК РСФСР 1960 г. законодатель отдельно регулировал злоупотребление властью или служебным положением, превышение власти, халатность и взяточничество [6]. В статье 170 использовался признак действий «вопреки интересам службы». Эта формулировка заслуживает внимания не как историческая деталь, а как способ показать, что наличие полномочия ещё не делает любое его применение правомерным. Руководитель вправе распоряжаться ресурсами учреждения, но не вправе использовать их ради личной выгоды. И наоборот, должностное лицо может причинить вред, совершив действие, которое вообще не относится к его компетенции. Именно различие между неправомерным использованием имеющегося права и выходом за его пределы стало одной из основ последующего разграничения составов. В статье 170 УК РСФСР 1960 года использовалась конструкция «умышленное использование должностным лицом своего служебного положения вопреки интересам службы» [6]. Статья 171 того же Кодекса, напротив, говорила о действиях, «явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему законом» [6]. Сопоставление этих формулировок показывает, что разграничение злоупотребления и превышения полномочий имеет длительную законодательную историю.

Действующий УК РФ рассматривает преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления в главе 30 [1]. Часть 1 статьи 285 говорит об «использовании должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы». Но цитировать только эти слова недостаточно: в норме также предусмотрены корыстная или иная личная заинтересованность и существенное нарушение охраняемых прав либо интересов. Это принципиально для квалификации. Если установлено лишь нарушение внутреннего порядка, но не доказаны остальные признаки состава, вывод о злоупотреблении будет преждевременным. На наш взгляд, историческое развитие законодательства как раз показывает постепенный отказ от оценки поведения служащего исключительно по факту его несоответствия административным предписаниям. В части 1 статьи 285 УК РФ указано на «использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы» [1]. Кроме того, закон требует, чтобы деяние было совершено «из корыстной или иной личной заинтересованности» [1]. Следовательно, одного факта нарушения служебной процедуры недостаточно: должны быть установлены все признаки конкретного состава преступления.

Статья 286 УК РФ использует иную конструкцию: «совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий» [1]. Слово «явно» здесь нельзя считать второстепенным. Следствию и суду необходимо установить, какие действия лицо вправе было совершать, какие условия должны были соблюдаться и в чём выразился выход за пределы компетенции. Например, право руководителя давать подчинённым обязательные поручения не означает право применять к ним физическое принуждение. При разграничении статей 285 и 286 УК РФ нельзя ограничиваться общей характеристикой поступка как «злоупотребления властью» в бытовом смысле. Требуется исследовать нормативное основание полномочий и конкретный механизм нарушения. В противном случае схожие фактические обстоятельства могут получить различную уголовно-правовую оценку. В части 1 статьи 286 УК РФ закреплена формулировка «действий, явно выходящих за пределы его полномочий» [1], а также требование наступления «существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций» [1]. Эти элементы имеют самостоятельное значение для квалификации: сначала устанавливаются пределы компетенции, затем оцениваются последствия совершённого действия.

Особую сложность представляет халатность. В статье 293 УК РФ она раскрывается через «неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей» вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо

обязанностям по должности [1]. Однако эта цитата не заменяет анализа обстоятельств дела. Нужно установить, какую именно обязанность лицо должно было выполнить, имелись ли у него реальные возможности для этого, какие последствия наступили и существует ли причинная связь. Например, несвоевременное рассмотрение обращения может быть дисциплинарным нарушением, но для уголовной ответственности необходимо доказать признаки, прямо предусмотренные законом. Исторически проблема служебного бездействия возникла задолго до принятия УК РФ; современное право отличается прежде всего более детальной конструкцией состава и требованиями к доказыванию. Часть 1 статьи 293 УК РФ определяет халатность как «неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей» [1] и связывает её с «недобросовестным или небрежным отношением к службе» [1]. Норма также предусматривает последствие в виде «причинения крупного ущерба или существенного нарушения прав и законных интересов» [1]. Тем самым законодатель требует оценивать не только факт нарушения обязанности, но и отношение к ней должностного лица и причинённый вред.

Проведённое сравнение позволяет сделать вывод, что главным результатом исторического развития стало постепенное уточнение юридических границ служебной ответственности. Раннее законодательство защищало отдельные властные процедуры, дореволюционные уложения стремились систематизировать нарушения по службе, советские кодексы закрепили самостоятельную группу должностных преступлений, а современный УК РФ разделяет их по характеру поведения и обязательным признакам состава. При этом сохраняются практические вопросы: как точно определить компетенцию должностного лица, когда причинённый вред следует признать существенным и чем уголовно наказуемое бездействие отличается от служебной ошибки. На наш взгляд, совершенствование законодательства должно начинаться с единообразного толкования этих признаков, а не только с усиления санкций. Уголовное право необходимо применять там, где установлены все элементы преступления; иные нарушения должны получать соразмерную оценку средствами других отраслей права.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Соборное уложение 1649 года // Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / сост. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011.

3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. № 19283.

4. Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. № 22704.

5. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года: введён в действие постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

6. Уголовный кодекс РСФСР: утв. Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.